

Александр Малиновский

«Мысли на ходу»

Предисловие А. В. Молько

Подготовка текста к публикации Л. П. Малиновской и А. В. Молько

Признанный классик отечественного словесного искусства Константин Паустовский однажды заметил: «Если бы был жив волшебник Ганс Христиан Андерсен, то он мог бы написать суровую сказку о старом мужественном писателе, который пронес в своих ладонях культуру, как несут драгоценную живую воду, через обвалы времени, сквозь годы войн и неслыханных страданий, - стараясь не расплескать ни капли».

Именно таким путем шел Александр Станиславович Малиновский. А незадолго до кончины в октябре 2017 года он завершил работу над первым вариантом «Мыслей на ходу».

Это – предельно свободная по форме проза прямого высказывания. Главное в ней – эмоциональные и интеллектуальные раздумья автора о времени и о себе. При этом они не абстрактны, а словно «обрастают» ярким материалом, воспоминаниями о собственной жизни, о судьбах других людей. В «Мыслях на ходу» привлекает высокая гражданская и нравственная позиция значительного художника, гибкая структура повествования, допускающая смещение временных пластов, постоянно ощущаемый глубокий подтекст, беспощадная исповедальность, подвергаемая строгой проверке комическим и трагическим, ностальгией и самоиронией, зрелая и какая-то обнаженная выстраданность обобщений.

В настоящую публикацию вошли фрагменты текста, посвященные литературному творчеству, его природе и специфике. Их объединяет четкая идея серьезной ответственности писателя за свое дарование перед собой и перед людьми, экзистенциальная направленность, извечный российский поиск простоты и правды в их предельном выражении, без лукавых подмигиваний и умолчаний, желание «докопаться» до правды, сколь бы разрушительной для житейского спокойствия она не была.

При этом А. Малиновский отнюдь не претендует на исчерпывающие трактовки тех или иных явлений художественной культуры, вполне допуская возможность других оценок и суждений. Он отнюдь не провозглашает готовые истины, а утверждает мысль ищущую, несовместимую с бестрепетно-тотальной централизацией и абсолютизацией смыслов. Проза

А. Малиновского открыта сложностям и противоречиям мира, его подчас пугающей, но неизменно завораживающей многомерности, она представляется сомневающейся, живой и горячей. «Мысли на ходу» волнуют и своим взыскующим пафосом, с позиций которого автор сурово судит себя и других. Не оставляет равнодушным и внятно звучащий подчас требовательный публицистический призыв к современнику не растерять на трудных дорогах жизни того, что отпущено природой и завещано предками, быть достойным представителем своего времени перед судом поколений...

Молько А.В.

Вздумалось мне собрать мои заметки, которые я делал на ходу в блокнотах, тетрадях. Просто на подвернувшихся клочках бумаги. Они отрывистые, без дат написания.

Сгреб в кучу на столе и попытался переписать в такие аккуратненькие небольшие блокнотики. Получилось нечто бессистемное, непоследовательное. Так мне показалось.

Когда делал эти заметки, они были в контексте моих размышлений, сомнений. А теперь не могу даже восстановить последовательность их возникновения.

Нужны ли они мне? Сегодня? Кажется, я уже писал об этом. И я решил их уничтожить. Сжег же я когда-то две общих тетрадки со своими стихами. В рабочем общежитии. Тогда мне было чуть больше двадцати лет. И я разуверился в себе... Вернее, струсил. Несколько лет назад сжег кучку писем, ходил опустошенным. А теперь? Теперь не тороплюсь. И более того, продолжаю делать записи в той же манере. Без дат, без привязки к конкретным событиям... На ходу...

Вошло в привычку. Как у некоторых курение.

В юности был решительнее. Запас многих будущих дел был впереди?.. Кто знает?..

... Но все же соблазн уничтожения, разрушения, видимо в человеке силен. Как и созидание, сохранение. Руки чешутся. Что возьмет верх?

Эти исписанные блокнотики лежали стопкой на столе. Затаились. Ждали моего решения.

Они показались мне кучкой слепых еще котят, которых могут разом всех отнести в пруд, а могут и оставить пока...

Тут вокруг меня столько котят на даче, куда еще? И столько нынче пишущих. И столько понаписано... Что с этим со всем делать?..

Когда спрашивают, почему начал писать, отделяюсь фразой Умберто Эко: «Человек от рождения – животное рассказывающее», я не исключение.

Написать «подподушечную» книгу, мне кажется, мечта каждого истинного писателя.

Иногда на встречах с читателями, отвечая на вопросы, чувствуешь себя посредственностью, помехой написанного тобой.

Не рассказывать, не объяснять, а – показывать! Творить мир! Задача из задач – одним вдохновением ее не решить.

Не писать воспоминания, а переплавить свою собственную жизнь в грандиозный роман – вот задача задач. Но дело за «малым»: хватит ли сил пережить все заново?

Когда писал свои пять книг, теперь сведенных под одно название «Под открытым небом», многое определяла энергия повествования. Тогда мне было пятьдесят лет. Теперь: за семьдесят... Устоял на ветру! Но ведь многое в душе то время выстудило...

Ничто сейчас меня так не дисциплинирует как одиночество и надвигающаяся старость. Для чего и кого писал В. Шукшин свой роман о Степане Разине? Нужна ли была такая воля от Разина России? Зачем Бондарчук снял после Герасимова свой «Тихий Дон»? Для кого?

... Толстой не стал писать романы о декабристах, о Петре I. Хотя и намеревался... собирал материал... Есть великие замыслы, но есть и великие смыслы...

Литература в наше ненастное время на мели...

Дела наши и поступки нередко крепко зависят от нашей энергии заблуждения. Ни энергии такой, ни заблуждений, как прежде у меня уже нет... И радости большой нет...

Часто люди не хотят слушать, они хотят говорить. И я дал такую возможность своим персонажам в повести «Голоса на обочине». Построил ее на прямой речи персонажей. И читатель услышал эти голоса. Стали писать, говорить, как здорово получилось. Похоже, читатели узнали в говорящих в повести себя. И порадовались за говорящих, которых наконец-то услышали...

Попытаться понять и отобразить свое время, людей его – эта ли воловья работа писателя не достойна самого высокого внимания! А писать о будущем, фантастику с потугой на пророчество, так же как писать исторические повести (тоже в своем роде фантастику) занятие явно не мое.

Мне теперь думается, что в настоящее писательство приходят те из нас, кто острее других чувствуют несовершенство мира, болеют от этого несовершенства... и его хрупкости.

Хочется писать просто и незатейливо свои вещи. Без лукавства.

Формальные поиски бледны в сравнении с поисками смыслов.

Девочка в библиотеке на встрече по-детски непосредственно спросила меня: «А что для Вас Ваши книги?»

Вопрос вопросов. Я уже пытался для себя уяснить, и не один раз, для чего я пишу. С некоторой внутренней оглядкой сформулировал это так: «Мои книги – оправдание моей жизни». И успокоился наконец-то, до времени...

Нужен ли этой девочке такой мой ответ? Я замялся с ответом. Она понимающе кивнула головой, сказала обезоруживающе: «Я вот тоже пока не знаю, для чего я живу?»

Трагедийность обыденного, драматургия реальной жизни – вот что для меня важнее сейчас в прозе. Может, это объясняется моим возрастом?

Правда без любви – жестокость. Не на такой стороне правды должен быть писатель. Оставим это ученым на их пути к истине... или прокуратуре...

Сколько сказано до меня о художественной правде, без которой написанное гибнет!..

Но истина! Она волнует не меньше! Одной правды мало...

Невыдуманность происходящего, обыденность увиденного, пережитое чутким, ранимым, любящим сердцем, отразившееся в незамутненном слове, не может оставить читателя равнодушным. Какие бы лихие ветры не дули в лицо.

Ум и талант - хорошо! Но что они без любви и сострадания? Чаще всего жестокость!

Писателю все человеческое должно быть близко и понятно.

Многое из того, что раньше меня увлекало и радовало, теперь мне не интересно. Догадываюсь, что это признаки наступающей старости. Как никак уже семьдесят. Энергии заблуждения поубавилось. Но появляются другие интересы... И порой неудержимые...

Недавно прочитал где-то: китайцы считают, что политику нельзя быть слишком умным, иначе он не будет понят своим народом. А каким надо быть писателю?

Некоторые авторы плодовиты только потому, что они в восторге от самого себя.

Эрнест Хэмингуэй однажды сказал: «Настоящее творчество – это когда сочиняешь, придумываешь». Он не совсем прав. А как быть с творческим осмыслением реального, того, что было с тобой, с окружающим? Постижением смысла происходящего, творческим его воплощением? Тут гораздо все сложнее. Придуманное и реальное – как чаши весов. И колебание их в ту или иную сторону дает свой творческий результат, у каждого писателя свой.

«Не придумывать, а додумывать» - верно сказано. И чтоб (по Л. Н. Толстому) – было заразительно! Тогда это настоящая литература.

Так называемых непосредственных жизненных впечатлений столько, что фантазировать просто ни к чему. С тем, что есть, справиться бы, придав художественную форму. Не вмещается...

Кажется мне теперь, что писатель, неспособный писать для детей, не умеющий писать о животных, – подозрителен...

Чтобы писать для детей, надо сохранить детскость души. Или быть артистичным! Первое – достойнее и надежнее...

Стихи у нее не плохие. Но когда она сказала: «... я приступила серьезно к разработке этой темы» ... Услышал такое и интерес мой к ней угас. Вернее, родилось внутри какое-то подозрение, неверие... Что-то улетучилось...

Глубокая правда человеческого характера! Как хочется до нее добраться. И как порой берет озноб от мерзости...

От людей, которым все ясно можно ждать только ремесло.

Чтобы писать хорошо, надо либо крепко трудиться, либо много страдать. Авторы, которые слету хватают в свою строку чужое, чаще ленивы. Либо черствы и неспособны глубоко, самостоятельно чувствовать. И тех, и других стоит пожалеть...

Как мало сегодня осталось тех, кто отдает себе отчет в том, что этическое всегда для пишущего должно быть важнее, главнее эстетического. Я говорю не о тех, кто кривляется, обидно за тех, кто пока не понимает этого...

Откуда это повелось: если ведет человек себя спокойно, разумно, пишет реалистичную прозу, отличающуюся здравием разума, – тут же заговорят о нем: не достаёт темперамента, творческого размаха и т.п., и так далее... Но избыток «темперамента», эмоций, в любом созидательном деле - не самый главный помощник. На производстве, сверхопасном, где я проработал длительное время, люди с такой психикой просто опасны. А среди летчиков, среди водителей любых транспортных средств? Так к чему же рвать на себе рубаху? Я наблюдал такие сцены еще в детстве в деревне. И с тех пор для меня они недопустимы. Дики! И малодраматичны... Успокоиться бы пора уже многим поколениям. Сколько наломали в яростном запале, в том числе и творческом...

Литература в этом смысле много сделала пагубного, но она же и спасает человека... Осознанно ли были «скромными» С. Аксаков, Гарин-Михайловский, Арсеньев? Или они от природы были такими? И не попали в «первый ряд пишущих»? Но что делать с А. С. Пушкиным? Самый наш первый писатель и самый скромный?..

При активном участии Пушкина Тараса Шевченко выкупили за картину Брюллова, и великий kobзарь получил свободу. Антикрепостник И. Тургенев выкупил дворовую девицу и сделал ее своей наложницей... Каждому свое...

Грандиозная речь Федора Достоевского на открытии памятника великому Пушкину... И страшный надрывный эпизод в жизни Алексея Апухтина: его, с воодушевлением помогавшего собирать средства на этот монумент поэту, которого он боготворил, знал наизусть... забыли пригласить на открытие... В гордом и тоскливом одиночестве он декламировал сам себе стихи Пушкина... Поистине: каждому уготовано свое...

«Я с народом был свой человек», - так Лесков мог сказать еще и потому, что язык его не был празднословным и лукавым. И жил он, автор, красотой народной, как и его язык.

В свое время гений Н. Лескова его современникам из-за спины Л. Н. Толстого увидеть было не дано. Толстой же прозорливо называл его писателем будущего. Прошло более ста лет. Мы не оправдали доверия Л. Н. Толстого.

Великие наши классики копались в душах пройдох, подлецов и преступников, посвящали этому целые романы. (Я об этом как-то раньше не думал...) Отчего это?.. И надо ли это?.. Человечество приобретает что-то от этого или нищает?.. Вопрос! (Хлестаков, Чичиков, Раскольников...)

Все истинно большие люди – просты и человечны. Это не ново.

Что если в моем «Реваншисте» попытаться Новосельцева показать именно таким. Неимоверно трудно будет, а заманчиво! Надоели герои со сложными (чаще придуманными) характерами). Нужен цельный, деятельный человек. Чаще ведь, чтобы не называть вещи своими именами, говорят о сволочуге: он человек со сложным характером.

Бунин о Есенине, Блок о Есенине, Маяковский о Есенине... Чтобы сказали о Есенине Пушкин и Тургенев?..

Умом понимаю одно, а в сердце другое, независимое ни от моего опыта, ни от других рассуждений. Шевелятся противоречия, пока пишу: почему же я всю жизнь со студенческих лет помню это имя? Оля Мещерская. Более полувека! Почему вижу до сих пор ком синего, именно синего чернозема, на лопате одного из мужиков И. А. Бунина. И название не помню этого рассказа уже, и не найду теперь, где это... а вижу окружающее глазами автора... Ищу оправдание этому.

- Все-таки И. Бунин чрезмерно, мне кажется, превозносил чувственное и не допускал духовное во многие свои вещи. Особенно в последних рассказах. В «Легком дыхании» тем более. И образ Оли Мещерской от этого для меня неприятен, отталкивающий из-за ее жестокости и в отношении к своему любовнику, изуверски превращенного ею в игрушку...

И не прощается автору это тем, что неудачно все придумал (это классик-то). Да, это все-таки слишком придуманное. Но для чего это было надо Ивану Алексеевичу Бунину? Сколько юных душ и не юных прочтут этот циничный рассказ о циничном. И эта, после столь жесткой придумки, метафизическая концовка рассказа?! Будто написал ее (приспособил к тексту) для украшения начинающий автор... Просквозило душу...

Замерцал в памяти давно читанный рассказ Горького «Двадцать шесть и одна». Нашел, прочитал. Все сурово, даже дико. Но почему после него такая признательность в душе автору? Тоже ведь скорее «насочинял». Но как! Читаешь и озираешься...

Совсем неожиданно наткнулся на «Неизвестного друга» Бунина. Никогда не читал. Когда прочел, стало досадно за свои претензии к Бунину, которые у меня накопились. И которые я все не осмеливался доверить бумаге. И хорошо, что не

сделал этого. Много перечитал заново. Такая чувственная и духовная глубина, что порой кажется подобное непостижимо ни нынешними, ни будущими писателями. Мы что-то потеряли, утопили в нашем техническом прогрессе, рационализме, практичности и так далее... скорее всего, очевидно, в огромный вред себе...

Бунин будто видит нас из далекого прошлого. И дарит нам утерянные сокровища нашей души. Зная, какие мы без них будем, какими стали. Провидец! И вечный труженик, каторжник на галерах; порой жесткий, злой, непримиримый (особенно к собратьям по перу), но такой нужный нам.

Мысль и жизнь у Пришвина на равных.

После того как узнал, что в юности Пришвин играл на мандолине, он мне стал еще ближе. В семье деда в моем детстве все мужчины играли на мандолине. С тех пор я очарован ею.

«Наибольшая тайна в творчестве – это самовоскрешение в завершенности формы». (М. Пришвин)

Толстой и Пришвин... Как огромное светило и мерцающая в ночи свеча. Несравнимые по величине... Но свеча горит... Горит своим притягательным, неповторимым светом...

«Пишу как живу» - это М. Пришвин о себе.

«Пишу как дышу» - не помню кто.

«Жить как пишу» - это уже попытка Блока.

«Работа везде одна, что печку топить, что стихи написать». Это слова великого Александра Блока. И они многое объясняют в его творчестве. Он более всего шел от мысли к чувству, а не наоборот. И жить пытался, как писал.

«У Есенина талант пошлости и кощунства» - А. Блок. Попробуй спокойно спать после такой оценки. Эту фразу прочел с утра. Весь день разбитый, теперь вот ночь впереди. Куда деться? «Аптека, улица, фонарь» ...

Сергей Есенин – неожиданно выпавший из народной толщи кристалл, засверкавший в начале XX века. И осветивший прошлое и настоящее русской души как никто до него. Оттого-то он истинно русский национальный поэт. И более, чем кто иной...

Народ – это стихия. Степан Разин - народный герой, часть этой стихии.

По той же причине и Есенин – народный поэт.

Не представляю Пришвина играющим на балалайке... А Есенина на гитаре...

Айседора Дункан говорила о Есенине, указывая на грудь Сергея: - «Здесь у него Христос». И, хлопнув по лбу, добавила: - «Здесь у него дьявол» ...

«У Есенина талант пошлости и кощунства» - это Блок. Как это соединить, если Свиридов говорил: «Блок – это духовный проводник в истину.»?

Есенин – обманутый революцией, скорее ее жертва. Как все крестьянство, из стихии которого он вышел. Любивший все живое, он отблеск трагедии народа.

Маяковский – обманувшийся революцией. Часто фальшивый («Я люблю смотреть, как умирают дети»). Трагедия частной судьбы, частного лица с чрезмерным тщеславием (об этом уже говорено, но это важно, очень. Сейчас особенно).

И оба гении!..

Все-таки соглашусь: при всей его поэтической гениальности у Маяковского много пошлого кривляния. Как, впрочем, и у Есенина...

Но это кривляние куда плодотворнее и оправданнее, чем, допустим, фальшь и поза Вознесенского.

Лермонтов и Толстой по мощи мысли – седые вершины!

Но Шолохов, его «Тихий Дон» - другая мощь! И не претендующая на сравнение. И совершенно особая!.. Неповторимая в своей гениальной художественности...

О чем Шолоховский великий роман «Тихий Дон»? Он о том, что каждый человек имеет право на счастье. И еще о том, что семья должна быть опорой человека, опорой морального порядка в мире. Мир гибнет, если близкие люди (отец и сын, братья) разделены враждой, замешенной на крови.

... Теперь атака на семью, читай: на мир идет еще и с другой стороны. Поздние браки, культивируемый в открытую блуд, однополые браки – свидетельства тому. Сейчас это очевидно. Но в начале века (20-го) так сказать об этом в художественной форме, имея за плечами чуть больше двух десятков лет жизни, мог только национальный гений.

Делаю эти записи, начав смотреть 14-серийный фильм Урсуляка «Тихий Дон». Посмотрел пока две серии. Много лубочного...

«...Русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма...» Так в свое время сказал Г. В. Плеханов. Сколько же намолото муки с того времени, перемолото человеческих жизней? И все в прах?.. «Тихий Дон» Шолохова и об этом.

Про Николая Островского забыли, про Аркадия Гайдара забыли... Но, если бы их не было, каким бы было поколение наших отцов перед войной?

Мне думается, зря Твардовский так жестко упрекал Паустовского в письме 26.11.56 г., что тот в своем творчестве прошел мимо жизни: «...И, главное, во всем, так сказать, пафос безответственности, в сущности, глубокого эгоистического «существовательства», обывательской, простите, гордыни, коей плевать на «мировую историю» с высоты созерцательного «подзвездного» единения с вечностью» (Приведено Лихоносовым («Голоса в тишине»)).

Так можно упрекать и Пришвина. И это будет теперь, после переосмысления нами той жизни, в которой им пришлось жить, не верно. Но это взгляд наш. Из нашей жизни. По каким меркам теперь судить? И вправе ли мы это делать?

Книги Твардовского и Паустовского у меня стоят на одной полке. А книжка В. Пришвиной «Наш дом» прописалась на все лето на моей прикроватной тумбочке на даче.

Когда ко мне на встрече с читателями подходит мама с ребенком и начинает говорить о том, что ее сын (дочь) хочет стать писателем, меня пробивает дрожь...

Быть русским, национальным писателем? Когда нации такой как бы уже и нет!?

Понимает ли она (мама), на какой развилке дорог она стоит со своим чадом?..

Как обидно – чудным даром,
Божьим даром обладать,
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать.
И не только зря растратишь,
Жемчуг свиньям раздаря,
Но еще к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.

Георгий Иванов, писал эти строки давно, в эмиграции. Знал бы он, как все изменится. И как все повторится, с какими искажениями.

Ясно многим, кто об этом задумывался: пропали великие цели в обществе – не стало и великого искусства. Но, если в центре внимания будет живой человек, есть надежда на что-то стоящее...

Прочитал у Шукшина: ... «сужу-то я судом высоким, поднебесным — так называемый простой, средний, нормальный положительный человек меня не устраивает. Тошно. Скучно.»

А куда же девать тогда Акакия Акакиевича, Герасима, Матрену («Матренин двор» Солженицына)? ... Где-то он еще писал, что надо, обязательно надо «заколачивать гвоздь в плаху истории» (?) Горячее желание. И возникает вопрос: кто дал право судить? Не по-христиански это. Да еще судом высоким?.. И ради чего забивать гвоздь в «плаху» истории? Ради собственного тщеславия, ради того, чтобы остаться гвоздем в «плахе»?

«Литература есть правда» - его же слова. Но правда у каждого (и у писателя) своя. Так о чем речь? Да, правда необходима! Но этого недостаточно! Нужна истина – путь к ней, может быть, это и есть литература? Молчат все. Удобнее сослаться на авторитеты? Но сколько вреда принесла и литература своим вымыслом и тщеславием авторов? Разобраться мне надо. Додумать.

Шукшина люблю, прозу его. Но не всего. Там же, где он начинает тужиться, желает быть философом, мыслителем: «надо писать, макая перо в правду», или «угнетай себя до гения» - он понятен, искренен, но... что-то мне мешает воспринимать эти строки как откровения. Скучен становится. Не похож сам на себя; так может (?) и тут мне разобраться надо еще!

Впервые я увидел Василия Ивановича Белова в Сызрани. Поразила похожесть внешняя с Михаилом Алексеевым, моим отцом Василием Шадриным. Все небольшого росточка, спокойные. Все ходят с палками. Сидим в столовой, обедаем. За столом человек пять. Спиртного нет, но уха есть. Хорошая уха. Ел Василий Иванович сосредоточенно, глядя в тарелку. По-крестьянски, с уважением к вершиму делу. Как мой внук, деловито наклонив тарелку от себя. Уху похвалил, скупко обронив: «Хорошая уха». Немножко разговор растеплился за чаем. Чтобы как-то оживить людей (была молчаливая пауза), я рассказал, как мне показалось, к месту, забавный случай про рыбалку. Когда закончил рассказ все засмеялись, Белов – вместе со всеми, но как-то сдержанно, на особицу. После, когда вышли из-за стола, он в сторонке сказал мне тихо:

«Забавный случай. Но, если хочешь стать крупным писателем, поменьше говори. Зачем расходовать? ...»

Мы знали, что его душит безденежье. Живет в своей Тимонихе перебиваясь. Родилась мысль сброситься, сколько кто может, и вручить деньги Василию Ивановичу. Охладил нас Анатолий Заболоцкий:

- Да вы что? С его-то нравом? И не думайте.

Он (Белов) приехал в Сызрань на вручение премии им. Алексея Толстого. Из москвичей были еще Петелин Виктор Васильевич и, кажется, поэт Олег Шестинский. Вручение премии проходило в Сызранском драматическом театре. Я сидел в зале с Василием Ивановичем.

Он сидел насупившись, молча.

Догадывался, что премия организована, чтобы хоть как-то помочь писателям. Была-то она по 25 тысяч. Не ахти какая, но организаторы старались от чистой души.

Глядя на меня колючим взглядом, полным невыразимой тоски, Василий Иванович проговорил:

- Стыдно ведь как!

Я не успел отреагировать, назвали его фамилию.

Я испугался, думал, что он откажется идти на сцену к микрофону. Что будет?

Но зал зааплодировал. Он встал и пошел, опираясь на палку. Шел медленно, будто один по деревенской улице. В микрофон сказал что-то невнятное, я даже не расслышал что? И спустился в зал. И пока шел: невысокого роста, с опущенной головой, все это время зал рукоплескал одному из любимых своих писателей. Классику.

Когда подъехали в Сызрани с Василием Ивановичем Беловым к Дому культуры, он попросил оставить его одного.

Буркнул, кажется, себе самому:

- Что увидишь из окна машины? Я похожу, посмотрю. Ненадолго.

И пошел, не спеша. Опираясь на сухонькую палочку да с сумкой, скорее похожей на котомку за плечом. Как старичок-лесовичок, с седенькой бородкой – вдоль порядка с бревенчатыми избами.

Когда вернулся, сказал односложно:

- У нас на Севере дома из сосен покрепче, поматерее...

- Так Сызрань не раз горела. Чуть не полностью. С нуля восстанавливали. Может потому..., - нашелся кто-то из нас.

Он посмотрел колюче на говорящего и сказал что-то, чего я не расслышал. Да и другие тоже. И его это, кажется, не заботило. Говорил, скорее, самому себе...

Протягивая мне подписанную свою книгу с повестью «Тяжесть креста», посвященную Василию Шукшину, с которым он, как известно дружил, Василий Иванович Белов сказал бесстрастно:

- Не суди сурово. Повесть слабовата. Торопился. Нужны были деньги.

Я был ошеломлен и сутью сказанного, и неожиданной доверительностью, которую ничем, по-моему, не заслужил...

Вчера умер Валентин Распутин. Не стало истинно русского человека и писателя. Книги его я знал давно, а увидел автора на 10-ом съезде писателей. Познакомил нас председатель СП РФ Валерий Ганичев. Потом встречались несколько раз. Разговоров не вели. Обычные приветствия...

... Не перенес утрат: потерял в авиакатастрофе дочь, потом жену, Родину – куда еще больше?!

Вот не стало Семена Ивановича Шуртакова. Замечательного писателя и стилиста. Он единственный читал мою прозу с карандашом в руках. В повести «Новое имя» (потом она стала называться «Сергеич и Сима») целые предложения перечеркнуты им красными чернилами. Как это делали учителя в школе. Пометки и со знаком «плюс», и со знаком «минус». Не со всем я согласен. Но как они мне тогда были дороги! Внимание дорого! Кое-что я учел при переиздании. В повести «Под открытым небом» он не сделал ни одной пометки со знаком минус. Но я-то знаю теперь: минусы эти есть. Семен Иванович при его жестковатом характере мог быть и великодушным...

Как по роману «Война и мир» Л. Толстого люди узнавали какими мы, русские, были в XIX веке, так именно по литературе нынешней наши потомки будут понимать, чем жили люди в начале нашего XXI века.

Мои книжки – кусочки моей жизни, с ее болячками, нервами и энергией заблуждения. Так, очевидно, бывает у каждого искреннего автора.

После обсуждения в Союзе писателей РФ моей прозы, подошел М.П. – мной очень уважаемый писатель, в котором я давно чувствую масштабного художника и жду, несмотря на его молодость, очень значительного, и проговорил просто и

заинтересованно: «Не бойтесь давать волю воображению, пусть работает фантазия, вы от этого только выиграете». Я согласно кивал головой, соглашался, а сам думал: «Какой выигрыш? У кого? Зачем? У меня давно в этом направлении поставлена некая заслонка. И не знаю кем, чем? Читаю его вещи и вижу, где он нафантазировал. И принимаю это. И нельзя без этого... А у меня события, факты, люди из моей реальной жизни, не придуманной, толпятся около моего стола, будто нету для них другого места...»

Определиться бы надо давно, а я все барахтаюсь по-ученически... И отодвигаю многое на потом, для мемуаров.

Хорошие книги пишутся, когда есть что сказать людям. Когда жизнь полнокровна, и питается она избыточной энергией дарованной природой. И когда есть безусловная вера в жизнь!..

У настоящего художника эстетика его произведений едина с его этикой.

«Литературу любить надо по-умному» - не помню, кто это сказал, но так верно. Скольких она соблазнила, испортила, наворочала сколько в обществе! Но и сколько она спасла! И скольких!

У писателя только и есть один учитель: сам читатель. Так считал великий Гоголь. А мне как-то не хочется торопиться соглашаться с этим. Сдерживает категоричность его. Может, не «учитель», судья?

По мне немногословие и скромность так же ценны в литературе, как и в жизни.

Невысказанное отравляет нас.

Литература – какое это непосильное порой для многих авторов испытание на тщеславие. И не только на него... И как оно многим корежит жизнь...

Что же все-таки с нашей критикой? И есть ли она? Есть несколько гроссмейстеров от литературы, но они не профессиональные критики... Остальные – грохот, грохотанье порожняка... Один печатно путает, не знает (?) автора книги «Душа неизъяснимая» (В. Личутин), приписывая авторство Василию Белову.

Другой путает, когда и где умерли Байрон и Шелли, похоронив их в Женевском озере. Ладно б, если бы на пробку наступили, нет, не пьющие... А жалуемся, что молодежь не читает. Сами-то...

Раскрученное, мелькающее перед глазами, значит – посредственное. И это сплошь и рядом, не только в литературе.

Критики, которых знаю, с такой легкостью и прытью берут на себя тяжелый груз ответственности и приговоров, что приходится поражаться... И некому спросить: а по какому праву? По праву того, что вы умнее и талантливее автора? Но

кем это, и чем подтверждается? Документик на это есть? Хотя в наше время много их, фальшивых документов...

Говорят, что критик слепень искусства. Я знаю критиков, которые пишут кроме критических статей еще эссе, рассказы, стихи, романы... Они кто? Мутанты?

«Не надо выпивать целую бочку вина, чтобы понять его вкус.» Можно добавить: достаточно прочитать две-три страницы книги, чтобы понять уровень письма, а иногда хватает одного абзаца.

Чехов и Толстой холодно относились к поэзии. Но ведь сами они, оба, были поэтами. В самом высоком смысле!.. Иначе не было бы написано ими ни одной строки!..

Мелодия речи, мелодия письма чаще важнее смысла сказанного либо написанного.

Порой кажется: чтобы заниматься истинно художественной литературой надо быть блаженным.

Желание понять, что стоит за словами, - вот двигатель умного читающего. И никакого кокетства со словом – вот что должно быть у неглупого пишущего.

Сколько раз, отодвинув в сторону иных авторов (интересных и нужных), перечитывал «Записки Тургенева», «Детство Никиты» А. Толстого, другие замечательные, сопровождавшие с детства книжки. И в последнее время стал замечать то, чего раньше не видел.

Перечитал на этой неделе очаровательные в своей простоте «Повести Белкина» Пушкина. И недоумевал, не решаясь ставить под сомнение, написанное рукой гения. Повесть «Выстрел»:

«Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня». Но ведь в этом же абзаце сказано, что между дуэлянтами было двенадцать метров (таковы условия дуэли). Неужели можно было на такое расстояние выплевывать косточки черешни?

Или в повести «Барышня – крестьянка»: «Лиза час от часу более нравилась Алексею». «Час от часу» - какой-то чужой хронометраж, здесь, кажется, неподходящий. И потом: они же только встретились, какой «час от часу»?

Еще в повести «Метель»: «Соседи поминутно ездили к нему». Такое просто физически невозможно. Некая торопливость письма. Знаю, что слишком пристальный взгляд искажает действительность, но никак по-другому теперь не могу читать, смотреть... Знаю, а избавиться от этого не под силу.

О чем бы не писал, мысли о человеческой душе. В ней бездна и вершина всего.

Большая часть того, что я написал, - по сути мое сильное свидетельство того, что было со мной, с людьми, окружавшими меня, что стало со страной, которую я любил и продолжаю любить, чтобы не случилось далее в результате грандиозного тектонического разлома в ее судьбе, свидетелем которого мне довелось быть.

В литературе сейчас не распутье, а беспутье. В ней не стало героя, в котором живет то лучшее, что есть еще в народе нашем.

Сколько их, художников, ходит с самодовольным лицом. И это когда народ в трясине. Принадлежат ли они народу? Идет вырождение не только народа...

Без острого чувства принадлежности к народу, из которого я вышел, без любви к живому, без сострадания, не могу представить писателя.

Не пристаю к читателю...

«Молитва писателя – это его слово». Да, это так.

Приближение к Божественному предназначению о себе, хотя бы крошечное – сколько на этом пути необходимо труда, усилий, упорства... Но это единственное, что оправдывает жизнь человека.